

ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР

Его НЕПОКОРНАЯ
АССИСТЕНТКА

Юлий Люцифер

Его непокорная ассистентка

«Литнет»

2026

Люцифер Ю.

Его непокорная ассистентка / Ю. Люцифер — «Литнет», 2026

— Я не принадлежу вам, — процедила я сквозь зубы, пытаюсь вырвать руку из его стальной хватки. Его глаза на долю секунды вспыхнули нечеловеческим, расплавленным золотом. Иллюзия идеального бизнесмена треснула по швам, обнажая истинного монстра. — Ты подписала контракт. Ты носишь мой бейдж. И если ты думаешь, что я позволю кому-то другому смотреть на тебя так, как смотрю я... ты очень плохо знаешь природу хищников, моя маленькая ассистентка. Я устроилась в самую престижную корпорацию города, чтобы решить свои финансовые проблемы. План был идеальным: варить кофе, составлять графики и не попадаться на глаза начальству. Но я умудрилась в первый же день вывести из себя генерального директора. Дэмиен Блэк — безжалостный миллиардер, тиран в строгом костюме и... чистокровный дракон, скрывающийся среди людей. Он привык, что мир падает перед ним ниц. Он сделал меня своей личной ассистенткой из принципа. Чтобы сломать мою дерзость, довести до слез и уволить с позором. Вот только я не собираюсь сдаваться. Мы объявили друг другу негласную офисную войну, но с каждым днем правила игры меняются. Его приказы становятся всё более личными, взгляды — обжигающими, а субординация трещит по швам. И я с ужасом начинаю понимать, что для этого хищника я — не просто строптивая подчиненная. Я — его истинная пара, которую он уже решил забрать себе.

© Люцифер Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Первый день — и сразу война	5
Глава 2. Личный приказ генерального	11
Глава 3. Корпорация хищников	19
Глава 4. Девушка, которая не умеет кланяться	27
Глава 5. Холодный кабинет, горячий взгляд	34
Глава 6. Золотые глаза	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1. Первый день — и сразу война

В мой первый рабочий день я должна была молчать, улыбаться и не смотреть в сторону кабинета генерального директора.

План был идеальный.

Сесть тихо в отдел документооборота, разобрать входящую почту, не спорить со старшими, не задавать лишних вопросов и продержаться хотя бы три месяца. Мне нужны были деньги, а не впечатления. Деньги на аренду, на долги матери, на младшего брата, который вечно делал вид, будто в свои девятнадцать уже взрослый мужчина и сам как-нибудь справится. Я слишком хорошо знала цену чужому “как-нибудь”. Обычно оно заканчивалось тем, что платить все равно приходилось мне.

Поэтому, когда я утром вышла из метро и подняла глаза на стеклянную башню «Блэк Корп», единственное, чего мне хотелось, — не облажаться.

Никаких войн.

Никаких драм.

Никаких мужчин, рядом с которыми у женщин потом начинаются проблемы с самооценкой, с нервами и с жизнью в целом.

Просто работа.

Большой холл встретил меня прохладой, блеском черного камня и той особой корпоративной роскошью, которая с порога говорит: здесь деньги пахнут не кофе, а властью. Высокие потолки, стеклянные стены, сотрудники в безупречных костюмах, охрана с лицами людей, которым платят за умение не моргать, и огромный логотип компании за стойкой ресепшена — темная буква В, похожая на крыло.

Я поправила ремешок сумки на плече и подошла к администратору.

— Доброе утро. Я по поводу оформления. Меня сегодня должны были ждать в отделе кадров.

Девушка за стойкой посмотрела в монитор, потом на меня, потом снова в монитор.

— Фамилия?

— Орлова.

— Алина Орлова?

— Да.

Она кивнула и протянула мне пластиковый пропуск.

— Добро пожаловать в «Блэк Корп». Лифт справа, двадцать первый этаж.

Я взяла бейдж. Белый. Временный.

Гость.

Новенькая.

Никто.

Прекрасно.

Именно это мне и было нужно.

На двадцать первом этаже пахло бумагой, дорогим парфюмом и чужой усталостью. Отдел кадров оказался за стеклянной перегородкой, где уже сидели три женщины с идеальными укладками и улыбками тех, кто давно привык объяснять людям, почему их можно заменить в любой момент.

Оформление заняло почти час. Паспорт, заявление, подпись здесь, подпись там, согласие на обработку данных, внутренний регламент, кодекс поведения, политика конфиденциальности, правила использования корпоративной техники. Я подписывала молча и думала только о том, что у этой компании слишком много документов на каждый лишний вдох сотрудника.

— Вы в отдел внутреннего сопровождения, — сказала мне в конце женщина из кадров, по имени Инна Сергеевна. — Работа рутинная, но аккуратность там важнее всего. Ошибки не любят.

— Я тоже, — ответила я.

Она посмотрела поверх очков.

— Это хорошо. И еще один момент. С руководством не спорить, инициативу без запроса не проявлять, в чужие процессы не лезть. Особенно если вопрос касается верхних этажей.

Я приподняла бровь.

— А там что, живут драконы?

Инна Сергеевна не улыбнулась.

Вообще.

— Почти.

Тишина.

Потом она переложила папку и добавила:

— Я серьезно, Алина. Не высовывайтесь. Здесь это лучший способ выжить.

Очень вдохновляющее начало.

Меня проводили в отдел. Несколько столов, перегородки, принтеры, шкафы с архивом, стены в серо-графитовых тонах и женщины, которые уже на первой минуте работы успевают оценить твои туфли, сумку, макияж и вероятность того, что ты продержишься дольше двух недель.

Моим непосредственным начальником оказался Алексей Викторович — мужчина лет сорока, сухой, с идеальным пробором и голосом вечного бухгалтерского апокалипсиса.

— Орлова? Проходите. Ваш стол здесь. Обязанности на почте. Кофе-машина там. Если вызывают наверх — не опаздывать. Вопросы?

— Пока нет.

— Отлично. Не создавайте их.

Прекрасный человек.

Работа действительно оказалась несложной. Таблицы, пересылка внутренних писем, сортировка договоров, регистрация запросов. Через час я уже почти поверила, что план сработает. Сiju тихо. Никому не мешаю. Денег мне, может, и не дадут сегодня, но хотя бы не выкинут до обеда.

И вот именно в этот момент в отдел влетела девушка из смежного сектора.

Высокая, запыхавшаяся, с планшетом в руках и выражением лица, будто где-то в здании уже начался локальный конец света.

— Кто-нибудь видел отчет по закупкам на четвертый уровень? — выпалила она.

Алексей Викторович поднял голову.

— Какой именно отчет?

— Консолидированный. С подписью Пархоменко. Его ждут наверху. Срочно. Сейчас.

По комнате прошел едва заметный холодок.

Не физический.

Человеческий.

Я увидела, как сразу напряглись плечи у троих сотрудников. Как женщина у принтера опустила глаза. Как сам Алексей Викторович за одну секунду стал бледнее на полтона.

— Кто ждет? — спросил он слишком ровно.

Девушка сглотнула.

— Генеральный.

Вот и все.

Слово упало в воздух так, будто кто-то открыл дверь в морозильную камеру.

Я перевела взгляд на монитор и мысленно сказала себе только одно: не твое дело. Сиди. Не лезь. Ты здесь ровно полтора часа. Умные люди молчат в такие моменты.

— Где Пархоменко? — спросил Алексей Викторович.

— На совещании.

— А отчет?

— Не знаю.

Тишина.

Та самая, в которой взрослые офисные люди обычно очень быстро начинают перекладывать ответственность так, чтобы потом это красиво легло на спину самого слабого.

Я не собиралась вмешиваться.

Честно.

Вообще.

Но потом заметила на общем сервере папку с утренней выгрузкой. Слишком знакомое название. И маленькую строчку внизу: “черновая сборка закупки Q4, не отправлено”.

Проклятье.

Я слишком хорошо умела видеть хаос в бумагах. И еще лучше — понимать, чем он закончится через пять минут.

— Кажется, он у вас в общей папке, — сказала я раньше, чем успела передумать.

Все головы повернулись ко мне.

Сразу.

Алексей Викторович посмотрел так, будто я только что добровольно подписалась на участие в собственной казни.

— Что?

Я уже открывала файл.

— Вот. Только его не отправили. Здесь не хватает последней подписи и метки по внутренней верификации, но тело отчета собрано.

Девушка с планшетом подскочила ближе.

— Вы можете выгрузить?

Я кивнула.

— Могу. Минуту.

— Не надо, — слишком резко сказал Алексей Викторович.

Я подняла голову.

— Почему?

— Потому что это не ваша зона ответственности.

— А вот паника в отделе, видимо, уже общая.

Он побледнел сильнее.

Плохой знак.

Очень.

— Орлова, я сказал — не надо.

Девушка с планшетом почти застонала.

— Если отчета не будет через три минуты, нас всех сожрут.

— Значит, надо не стоять, а отправлять, — сказала я и нажала кнопку выгрузки.

Вот здесь, наверное, я и должна была понять, что мой идеальный план только что умер.

Потому что в следующую секунду за моей спиной прозвучал мужской голос.

— Кто разрешил?

Тихо.

Ровно.

Без крика.

И от этого — в сто раз страшнее.

Я медленно обернулась.

Он стоял у входа в отдел, и в комнате будто сразу стало меньше воздуха.

Высокий. Темный костюм, идеально сидящий на широких плечах. Черные волосы, зачесанные назад. Резкие скулы. Спокойное лицо мужчины, которому не нужно повышать голос, чтобы все вокруг уже начали инстинктивно искать, где можно стать меньше и незаметнее.

И глаза.

Очень темные.

Слишком темные.

Не человеческие — нет, это я, конечно, придумала позже. Тогда я просто подумала, что никогда в жизни не видела человека, который смотрел бы так, будто уже заранее знает цену любой ошибки в помещении.

Дэмиен Блэк.

Генеральный директор.

Самый неподходящий мужчина в этом городе для того, чтобы сталкиваться с ним лицом к лицу в свой первый рабочий день.

Тишина стала абсолютной.

Даже девушка с планшетом, кажется, перестала дышать.

Алексей Викторович поднялся с места так быстро, что стул дернулся.

— Дэмиен Константинович, это недоразумение, сейчас все будет—

— Я спросил не вас.

И снова тише.

Еще тише.

Я, наверное, должна была испугаться.

Серьезно.

Любая нормальная женщина на моем месте уже бы тысячу раз пожалела, что вообще родилась с привычкой вмешиваться в чужой бардак. Но проблема в том, что мужчины с таким тоном всегда будили во мне не только осторожность.

Раздражение тоже.

Почти профессиональное.

Я медленно развернулась в кресле к нему полностью.

— Отчет нужен был срочно, — сказала я. — Он лежал несобранным в общей папке. Я его выгрузила.

Вся комната будто обмерла второй раз.

Потому что, кажется, никто здесь не разговаривал с ним так, не добавляя в голос половину собственной смерти и треть оправданий сверху.

Он посмотрел на экран.

Потом на меня.

И вот тогда я впервые почувствовала это.

Не страх.

Давление.

Как будто кто-то положил тяжелую горячую ладонь мне между лопаток и очень медленно надавил вниз.

— Ваше имя, — сказал он.

— Алина Орлова.

— Вы только что пришли в компанию?

— Да.

— И уже решили, что лучше меня знаете порядок согласования?

Сволочь.

То есть вот так он собирается играть.

Не орать.

Не устраивать сцену.

Просто очень вежливо вдавливать собеседника в пол до тех пор, пока тот сам не начнет просить прощения за собственное существование.

Очень знакомый тип мужчин.

Очень нелюбимый.

— Нет, — ответила я. — Я решила, что если отчет нужен через три минуты, а все вокруг делают вид, будто им удобнее умереть коллективно, чем нажать одну кнопку, то кто-то все-таки должен это сделать.

Господи.

Алексей Викторович, кажется, перестал жить прямо на месте.

Дэмиен Блэк смотрел на меня несколько секунд.

Не мигая.

Не двигаясь.

И в этих секундах было что-то такое, от чего любой разумный инстинкт уже должен был орать: заткнись, Алина. Немедленно. Сейчас.

Но вместо этого я поймала себя на другой мысли.

Он красив.

Неправильно.

Опасно.

Бесит.

Но красив.

Именно тем типом мужской красоты, которая не просит внимания — она его отнимает.

Проклятье.

— Пройдите за мной, — сказал он.

Тишина.

Я моргнула.

— Зачем?

Впервые за весь разговор в его лице мелькнуло что-то похожее на интерес.

Очень коротко.

Почти как тень усмешки у хищника, которому попался зверек с неожиданно плохим инстинктом самосохранения.

— Чтобы вы задали этот вопрос еще раз, но уже с пониманием интонации.

Сволочь.

Очень хорошо.

Очень.

Я встала.

Медленно.

Поправила бейдж.

Взяла со стола блокнот.

И только потом сказала:

— Отлично. Только если вы собираетесь меня увольнять, давайте хотя бы честно признаем, что я просто спасла ваш отчет быстрее, чем ваши сотрудники успели умереть от корпоративной дисциплины.

Кто-то в отделе едва слышно втянул воздух.

Дэмиен Блэк смотрел на меня так, будто еще не решил, хочется ему задушить меня на месте или оставить в живых чисто из исследовательского интереса.

— Идемте, Орлова.

Я пошла за ним.

Через весь отдел.

Под взглядами людей, которые уже мысленно писали мне некролог в корпоративном стиле.

Через лифт.

В молчании.

На самый верх.

И вот там, когда двери открылись на последнем этаже, я впервые поняла: все. Никакого тихого старта. Никакой спокойной работы. Никакого “не выделяться”.

Мой первый день официально закончился.

Началась война.

Глава 2. Личный приказ генерального

Люфт на последний этаж ехал слишком тихо.

Именно это я ненавидела в дорогих офисах больше всего. Не стекло, не блеск, не лица людей, которые умеют улыбаться так, будто уже заранее знают твою цену. Тишину. Потому что в ней всегда слишком хорошо слышно собственные ошибки.

Я стояла в зеркальной кабине рядом с Дэмиеном Блэком и впервые за последние десять минут позволила себе честно признать: да, похоже, я все-таки умудрилась похоронить работу еще до конца первого дня.

Прекрасно.

Мама бы сказала, что это семейное.

Я бы ответила, что это просто мой талант притягивать мужчин, которых лучше не злить.

Лифт остановился плавно. Двери разошлись в стороны, и передо мной открылся этаж, который уже не выглядел как обычная часть корпорации. Слишком тихо. Слишком пусто. Слишком дорого. Черный камень, длинные стеклянные панели, приглушенный свет, несколько закрытых дверей и огромные окна во всю стену, за которыми город лежал как чужая карта — далекий, безмолвный и, кажется, уже не особенно реальный.

Здесь не работали.

Здесь решали, кому работать дальше.

— Проходите, — сказал Дэмиен.

Я шагнула следом, не торопясь.

Не потому что была такой смелой. Потому что мужчины его типа слишком любят, когда женщина начинает метаться раньше, чем ей вообще объяснили правила игры. А я ненавидела давать кому-то это удовольствие.

Его кабинет оказался еще хуже, чем я ожидала.

Огромный. Почти болезненно выверенный. Темное дерево, металл, стекло, минимум лишних вещей и то самое ощущение пространства, в котором каждый предмет не просто стоит на месте, а как будто заранее знает, кто здесь хозяин. За спиной у его рабочего стола открывался вид на город, и почему-то именно это бесило сильнее всего.

Мужчины, которые любят смотреть на мир сверху, почти всегда оказываются проблемой.

Он прошел к столу, не предлагая мне сесть. Я осталась стоять.

Хорошо.

Пусть так.

— Значит, Алина Орлова, — сказал он, открывая мой временный профиль на планшете. — Первый день. Новый сотрудник. И уже решили, что внутренняя система согласований в компании работает медленнее вашего темперамента.

— Она работает медленнее, чем дедлайн, который вы сами же и поставили.

Он поднял глаза.

Вот опять.

Этот взгляд.

Слишком прямой. Слишком темный. Слишком такой, будто он не просто смотрит на человека, а мгновенно решает, насколько полезным, опасным или раздражающим тот будет в его пространстве.

— Вы дерзите мне специально? — спросил Дэмиен.

— Нет. Я просто не люблю, когда проблему называют нарушением субординации только потому, что ее решил не тот человек.

Тишина.

Очень плохая.

Я уже чувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. Не на него даже. На ситуацию. На собственную неспособность просто кивнуть, извиниться и не трогать мужское эго, от которого, возможно, зависит моя зарплата.

Но было поздно.

Этот поезд уже ушел.

— Вы понимаете, — произнес он медленно, — что в нормальной компании после такого разговора сотрудник обычно приносит извинения.

— А вы понимаете, что в нормальной компании отчет на стол руководителю приносит тот, кто отвечает за отчет, а не девочка из первого дня?

Уголок его рта чуть дрогнул.

Очень коротко.

Почти незаметно.

Не улыбка.

Интерес.

И, к сожалению, именно это мне не понравилось сильнее всего.

Потому что в этот момент я вдруг очень ясно поняла: он не просто злится.

Ему уже любопытно.

А любопытство таких мужчин — всегда плохая новость.

— Вы считаете себя умной, Орлова? — спросил он.

— Достаточно, чтобы не делать вид, будто отчет сам выгрузился из страха перед вашим голосом.

Тишина стала почти осязаемой.

Господи.

Ну вот зачем.

Зачем я это сказала.

Потому что на долю секунды мне действительно показалось, что в его глазах мелькнуло нечто странное.

Не просто раздражение.

Что-то слишком темное.

Слишком животное.

Как будто в очень дорогом, идеально человеческом лице на миг треснула маска.

Потом все исчезло.

Разумеется.

Показалось.

Я просто нервничаю.

Или не просто.

— Вы не боитесь меня, — сказал Дэмиен.

Это не было вопросом.

Я скрестила руки на груди.

— Неправда.

— Тогда почему говорите со мной так?

— Потому что страх и вежливость — разные вещи.

Он медленно откинулся на край стола.

Очень по-хозяйски.

Очень раздражающе.

— Хорошо. Тогда давайте без вежливости. Скажите честно: почему вы полезли в чужой процесс в первый день?

Я уже открыла рот для привычной колкости, но остановилась.

Потому что вопрос вдруг прозвучал не так, как раньше.

Не как ловушка.

Не как повод поставить меня на место.

Как будто ему действительно был нужен ответ.

Ненавижу, когда мужчины портят удобную картину себя тем, что неожиданно начинают слушать.

— Потому что мне нужны деньги, — сказала я ровно. — И я не могу позволить себе работать в месте, где все делают вид, будто проще коллективно умереть от внутреннего регламента, чем вовремя закрыть задачу. Если у вас здесь так принято — прекрасно. Но я в таких играх не сильна.

Он молчал.

Дольше, чем следовало.

Потом спросил:

— То есть вы вмешались из прагматизма?

— А вы ожидали услышать, что я хотела поразить вас профессиональной отвагой?

— Нет.

— Уже хорошо.

Он снова посмотрел на планшет.

Потом на меня.

— Ваше резюме скромнее вашего характера.

— Мое резюме писалось для отдела, куда я устраивалась. А не для личной беседы с генеральным директором.

— Значит, вы все-таки допускаете, что это личная беседа.

Сволочь.

Я прищурилась.

— Пока это похоже на допрос мужчины, которому не понравилось, что кто-то не упал в обморок от его появления.

— И вы все еще не боитесь последствий.

— Боюсь.

— Но?

— Но мне не нравится, когда меня заставляют чувствовать себя виноватой за чужую некомпетентность.

Вот после этой фразы в кабинете стало по-настоящему тихо.

Он больше не двигался вообще.

И именно это было хуже всего.

Потому что я уже начала понимать: Дэмиен Блэк опасен не тем, что кричит. Он опасен тем, что умеет замереть так, что другому человеку начинает казаться, будто мир вокруг слишком долго думает, прежде чем решить, сожрать тебя или нет.

— Сядьте, — сказал он наконец.

Я посмотрела на стул напротив его стола.

Потом снова на него.

— Это приглашение или приказ?

— А вы видите между ними разницу?

— Огромную.

Тишина.

Снова.

— Тогда считайте это предложением не утомлять меня лишней драмой.

Я села.

Медленно.

Потому что нет, драму он уже получил. С первой минуты. И, кажется, теперь сам не до конца понимал, раздражает ли его это больше, чем интригует.

Он обошел стол, сел в кресло и сцепил руки перед собой.

— Алексей Викторович не сможет с вами работать.

Вот и все.

Приплыли.

Я даже выдохнула почти спокойно.

Потому что, если честно, увольнение после такого разговора было уже почти логичным завершением первого дня.

— Понимаю, — сказала я. — Тогда, может, не будем тратить друг другу время? Я пишу, что нужно, и уйду.

— Куда?

Я моргнула.

— В смысле?

— Вы сказали, что вам нужны деньги. Значит, просто уйти — не вариант. Я спрашиваю, куда именно вы собираетесь идти после этого.

Господи.

Очень плохой вопрос.

Потому что он не должен был его задавать.

Не в его позиции.

Не после такого разговора.

И уж точно не с этим вниманием в голосе, от которого становится не легче, а только хуже.

— Это уже не ваше дело, — сказала я.

— Пока нет.

— “Пока”?

— Да.

Проклятье.

Я знала этот тон.

Мужчина уже что-то решил.

И теперь просто наблюдает, как долго женщина будет пытаться дышать, не понимая, что именно с ней сейчас сделают.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда объясните без загадок. Вы меня увольняете или нет?

Он смотрел прямо.

Слишком спокойно.

— Нет.

Тишина.

Я даже не сразу поняла.

— Что?

— Я вас не увольняю.

— Тогда зачем я здесь?

Уголок его рта снова дернулся.

Очень слабо.

— Потому что Алексей Викторович прав в одном. Вы не умеете оставаться в рамках, если видите, что система делает глупость.

— Как жаль. В некоторых местах это называют полезным качеством.

— В некоторых. Не в моих.

— Тогда мы снова возвращаемся к вопросу, зачем я здесь.

Он взял мой временный бейдж, который я по дороге зачем-то положила на край стола. Посмотрел на белый пластик. Потом на меня.

И произнес:

— С этого момента вы работаете на меня.

Мир на секунду качнулся.

Не фигурально.

По-настоящему.

— Что?

— Вы будете моей личной ассистенткой.

Я устала на него.

Вполне возможно, впервые за весь разговор действительно потеряв дар речи.

Потому что нет. Нет, нет, нет.

Вот этого в моем идеальном, жалком, бытовом плане не было точно.

Тихая работа.

Незаметность.

Стабильность.

Деньги.

Все.

Никаких генеральных директоров. Никаких личных приказов. Никаких мужчин, которые одним взглядом превращают помещение в испытание на прочность нервной системы.

— Это шутка? — спросила я.

— Нет.

— Наказание?

— Частично.

— Господи, хоть в чем-то вы честны.

Он не отреагировал.

Разумеется.

— Почему я? — спросила я.

— Потому что вы либо полезны, либо станете проблемой. Я предпочитаю контролировать первое раньше, чем случится второе.

Вот и все.

Чистая правда.

Без украшений.

Без корпоративного сиропа про потенциал, карьерный рост и возможность учиться у лучших.

Просто мужчина, который увидел опасный инструмент и решил забрать его поближе.

Ненавижу.

— А если я откажусь?

Он смотрел на меня так, будто уже заранее знал этот вопрос.

— Не откажетесь.

— Как самоуверенно.

— Как рационально.

— Серьезно? И в чем же ваша рациональность?

Он открыл мой контракт на планшете и развернул экран ко мне.

Пункт о переводе на другую должность внутри компании с сохранением оклада и дополнительной компенсацией.

Сумма внизу была такой, что у меня на секунду пересохло во рту.

Сволочь.

Потому что да.

Именно так и надо ловить людей вроде меня. Не угрозой. Деньгами, от которых у тебя внутри мгновенно начинает рушиться половина красивых принципов.

— Это временно, — сказал он. — Испытательный срок три месяца. Если не справляетесь — возвращаетесь вниз или уходите. Если справляетесь — обсуждаем дальше.

— Обсуждаем что?

— Насколько вы все еще хотите работать не со мной.

Вот это уже было личное.

Слишком.

И именно поэтому меня снова накрыло раздражением.

— Вы делаете это из принципа.

— Да.

— Потому что я вас разозлила.

— Да.

— И потому что хотите доказать, что сможете сломать меня на своем поле.

Он помолчал.

На секунду.

Потом сказал:

— Возможно.

Господи.

Никакого стыда.

Ни капли.

И почему-то именно от этого захотелось не встать и уйти, а остаться и посмотреть, насколько далеко зайдет этот человек, если ему впервые за долгое время кто-то не даст привычной реакции.

Очень плохая мысль.

Очень.

— У вас отвратительные методы найма, — сказала я.

— Зато эффективные.

— Вы настолько уверены, что я соглашусь?

— Да.

— Почему?

Он смотрел на меня очень внимательно.

— Потому что вы не из тех женщин, которые боятся сложной работы. Вы из тех, кто ненавидит сложных мужчин, но все равно идет туда, где опаснее всего. Даже если потом сама себя за это проклинает.

У меня что-то неприятно дрогнуло внутри.

Потому что это было слишком близко к правде для человека, который знал меня меньше часа.

— Вы психопат, — сказала я тихо.

— Возможно.

— И, к вашему несчастью, я это уже заметила.

Уголок его губ дрогнул.

Почти как победа.

Почти как интерес.

И это взбесило окончательно.

Я взяла планшет, еще раз посмотрела на сумму, потом на него.

— Хорошо.

Тишина.

Едва заметная.

Но я почувствовала.

— Что “хорошо”? — спросил он.

— Я беру должность.

— Вот как.

— Но.

Вот теперь он действительно заинтересовался сильнее.

Я увидела это слишком ясно.

— Но если вы думаете, что я буду вашей тихой удобной девочкой с кофе, графиками и взглядом в пол, вы очень быстро разочаруетесь.

Он медленно сложил руки перед собой.

— А если я как раз рассчитываю на обратное?

Проклятье.

Вот именно поэтому он и опасен.

Потому что даже угрозу умеет принимать как вызов, который ему только интереснее раскусить.

— Тогда у нас обоих проблемы, господин генеральный директор, — сказала я.

— Вероятно, да.

Он встал.

Подошел к шкафу у стены, достал темный пластиковый кейс и вернулся ко мне. Открыл.

Внутри лежал черный бейдж с серебряной полосой и моим именем.

Не временный.

Личный.

Уже сделанный заранее.

Я смотрела на него несколько секунд.

Потом медленно подняла глаза.

— Вы серьезно?

— Да.

— То есть вы приняли решение еще до того, как позвали меня сюда.

— Да.

— И весь этот разговор был просто вашей формой развлечения?

— Нет.

— Тогда чем?

Он протянул мне бейдж.

— Проверкой.

— Чего именно?

— Стоите ли вы тех проблем, которые начнете создавать.

Господи.

Сволочь.

Я взяла бейдж. Черный пластик был прохладным, тяжелее обычного, и в ту секунду, когда пальцы коснулись его поверхности, по коже почему-то прошла очень странная волна.

Не магия.

Не бред.

Просто ощущение, будто я только что взяла в руки не пропуск в офис.

Поводок.

Очень дорогой.

Очень красивый.

Очень опасный.

— Ненавижу вас, — сказала я почти искренне.

— Не торопитесь, Орлова. У нас с вами впереди еще достаточно времени, чтобы вы поняли масштаб этого чувства.

Вот после этих слов я уже точно знала одно.

Никакой тихой работы не будет.

Никаких спокойных месяцев.

Никакого простого заработка.

Личный приказ генерального директора оказался не повышением.

Началом войны, в которой я еще даже не представляла, насколько быстро начну проигрывать не работу.

Себя.

Глава 3. Корпорация хищников

Черный бейдж оказался тяжелее, чем должен был быть обычный кусок пластика.

Я поняла это уже в лифте, когда вышла из кабинета Дэмиена Блэка и двери мягко закрылись за моей спиной, отрезая меня от последнего этажа, от его взгляда и от той очень неприятной реальности, в которой моя тихая офисная жизнь закончилась, не успев начаться.

На ладони лежал черный пропуск с серебряной полосой и моим именем.

Личный доступ.

Прямое подчинение генеральному.

Новая должность.

Новая зарплата.

Новые проблемы.

Проклятье.

Я смотрела на бейдж так, будто он мог сам объяснить, почему мужчина, которого я умудрилась вывести из себя в первый же день, решил не вышвырнуть меня, а забрать ближе.

Ответ, конечно, уже был.

Потому что я его разозлила.

Потому что он любит контроль.

Потому что мужчины его типа предпочитают держать опасное рядом, а не оставлять это бродить где-то внизу без присмотра.

И, что хуже всего, потому что я сама согласилась.

Из-за денег.

Из-за долгов.

Из-за того, что в моей жизни давно не было роскоши отказываться от суммы, которая могла на несколько месяцев вперед закрыть самые острые дыры.

Ненавижу.

Больше всего в себе я всегда ненавидела не слабость.

Практичность.

Потому что именно она чаще всего заставляет женщину входить туда, куда ей уже заранее не хочется идти.

Когда лифт остановился на двадцать первом, я вышла в отдел, где воздух уже был другим.

Новости, как и всегда в больших компаниях, бегают быстрее людей.

Женщина у принтера замерла с пачкой бумаги в руках. Девушка с планшетом, из-за которой начался весь этот бардак, резко отвела взгляд. Алексей Викторович стоял у стола с лицом человека, который увидел меня живой и пока не понял, хорошая это новость или очень плохая.

Я подошла молча.

Положила старый белый бейдж на стол.

Потом рядом — новый, черный.

Тишина стала почти священной.

— О нет, — выдохнула девушка с планшетом.

— О да, — ответила я.

Алексей Викторович побледнел так сильно, что мне на секунду даже стало его жалко.

Почти.

— Орлова... — начал он.

— Уже не совсем, — сказала я. — С этого момента я, как выяснилось, больше не ваша проблема.

Уголок губ у женщины у принтера нервно дернулся.

Кто-то у дальнего окна кашлянул.

Потом Алексей Викторович медленно снял очки и посмотрел на меня так, будто я только что принесла не бейдж, а подписанный приказ о локальном конце его профессионального спокойствия.

— Вас перевели? — спросил он.

— Да.

— Куда?

Я чуть приподняла черный пропуск двумя пальцами.

— Вы правда хотите, чтобы я сказала это вслух?

Он молчал секунду.

Потом очень осторожно произнес:

— Личная... ассистентка?

Тишина.

Я кивнула.

Вот и все.

После этого офис окончательно перестал делать вид, что я просто новенькая девочка, которая удачно пережила первый день. Теперь на меня смотрели иначе. Не как на коллегу. Как на человека, который случайно залез туда, где обычные сотрудники даже мысленно предпочитают не задерживаться.

— Вам нужно собрать вещи, — сказал Алексей Викторович с той особой сухостью, за которой мужчины прячут страх, когда пытаются сохранить хоть какую-то профессиональную форму. — С вами свяжутся сверху.

— Конечно, — ответила я. — А до этого мне можно хотя бы допить воду, или на верхних этажах уже и это считается нарушением субординации?

Он не улыбнулся.

Вообще.

Но девушка с планшетом тихо фыркнула в ладонь.

Хорошо. Значит, не все в этом здании умерли морально заранее.

Я собрала немного: блокнот, ручку, телефон, зарядку, маленький кошелек, который всегда носила с собой в сумке на случай, если жизнь снова внезапно решит унизить меня неожиданными расходами. Потом взяла коробку с вещами и вышла из отдела, чувствуя на спине десяток взглядов.

Это было неприятно.

Но не так неприятно, как странное ощущение под кожей, что настоящая проблема даже не в переводе.

В Дэмиене Блэке.

В том, как он смотрел.

В том, как спокойно и заранее уже все решил.

В том, как в его кабинете на секунду мне показалось, будто под человеческим лицом что-то едва заметно треснуло.

Глупость.

Нервное напряжение.

Первый день.

Слишком много кофе и мало сна.

Но, к сожалению, это ощущение никуда не делось, даже когда за мной пришла девушка из административного крыла и проводила на новый этаж.

На этот раз не на самый верх.

Ниже на один уровень.

Личный блок руководства.

Здесь было иначе, чем в общем офисе. Тише. Просторнее. Дороже. И, главное, все люди двигались так, будто их тела давно выучили один и тот же рефлекс: не создавать лишнего шума в радиусе нескольких метров от чужой власти.

Меня проводили в отдельную приемную.

Большое пространство. Темное дерево. Серые стены. Стол у окна. Второй — у внутренней двери, за которой, как я поняла, и находился кабинет генерального. Несколько шкафов, экран внутренней связи, отдельная кофемашина, идеально выровненные папки и то самое ощущение стерильной дисциплины, от которого мне захотелось сразу же поставить чашку не по центру просто ради личного самоутверждения.

— Теперь вы здесь, — сказала девушка. — Ваш рабочий компьютер уже настроен. Пропуск активен. Расписание получите на почту. Все поручения — только от Дэмиена Константиновича либо через внутренний канал. Без самостоятельности.

— То есть мое главное рабочее качество только что официально объявили вне закона?

Она впервые за все время позволила себе очень короткую улыбку.

— Скажем так: вам лучше сначала понять правила.

— А потом?

— Потом будет видно.

И ушла.

Прекрасно.

Я осталась одна в приемной, очень медленно поставила коробку на новый стол и выдохнула.

Новая территория.

Новый воздух.

Новый ритм.

И, что хуже всего, здесь все было пропитано им. Не запахом даже. Влиянием. Как будто сам этаж давно уже подстроился под характер человека, который здесь работает. Ни одной лишней детали. Ни одной слабой линии. Все выверено, собрано и держится на внутренней дисциплине, которая скорее ломает, чем объясняет.

Мужчинам вроде Дэмиена Блэка всегда мало просто руководить. Им нужно, чтобы пространство тоже служило продолжением их воли.

Ненавижу.

Я села за стол, включила компьютер и открыла почту.

Шесть писем.

Четыре служебных.

Одно с доступами.

Одно с темой: “Правила работы в исполнительном блоке”.

Открыла последнее и сразу поняла: да, я действительно попала в зоопарк, где хищники давно уже научились носить костюмы.

Пункт первый: конфиденциальность абсолютна.

Пункт второй: никаких самостоятельных решений без запроса.

Пункт третий: приоритет задач определяется исключительно руководителем блока.

Пункт четвертый: личные границы рабочего времени устанавливаются в зависимости от нагрузок.

Пункт пятый: эмоциональная реакция не может служить основанием для неисполнения распоряжений.

Я перечитала последний пункт еще раз.

И еще.

Потом вслух сказала в пустую приемную:

— Конечно. А почему бы сразу не написать “слезы, нервы и личная жизнь не принимаются как уважительная причина, если боссу вздумается перестроить твою нервную систему под корпоративные нужды”.

— Обычно люди читают регламент молча.

Я вздрогнула и резко обернулась.

У внутренней двери стоял мужчина.

Не Дэмиен.

Другой.

Высокий, светловолосый, с холодным, слишком красивым лицом и выражением, которое у одних мужчин выглядит как усталость, а у других — как природное презрение ко всему недостаточно собранному. Темно-серый костюм сидел на нем безупречно, но самое неприятное было не в этом.

В глазах.

Слишком светлых.

Слишком пристальных.

И слишком таких, будто он считывает людей не по словам, а по запаху крови под кожей.

Проклятье.

Что здесь вообще за место?

— А обычно люди стучат, если входят в приемную нового сотрудника, — ответила я.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Значит, это ты.

— Какое многообещающее начало. А ты, видимо, из тех, кому уже заранее все рассказали.

Уголок его рта едва заметно дернулся.

— О тебе сегодня уже знают даже те, кто не хотел знать.

— Как приятно. Я и мечтать не смела о такой популярности в первый день.

Он подошел ближе.

Не торопясь.

Слишком бесшумно для человека его роста.

— Кирилл Воронцов. Операционный директор.

Ага.

Еще один.

Мужчины, которых в обычной жизни следовало бы обходить по широкой дуге, но судьба почему-то решила не просто свести меня с ними, а выдать им доступ к моему рабочему расписанию.

— Алина Орлова. Женщина, которую вы, судя по всему, уже мысленно оценили как новую корпоративную катастрофу.

— Не новую.

— Что, простите?

— Катастрофу. Не новую. Просто теперь она сидит ближе к кабинету Дэмиена.

Сволочь.

И, к сожалению, у этого тоже была та самая неприятная точность, которую я в мужчинах ненавидела сильнее всего.

Потому что с ней нельзя спорить красиво.

— Потрясающе, — сказала я сухо. — Значит, здесь вы все шутите одинаково мрачно или это идет в комплекте с должностью?

— Это идет в комплекте с наблюдательностью.

Тишина.

Я откинулась на спинку кресла.

— Хорошо. Тогда наблюдательно скажи мне, что именно не так с этой компанией.
Он смотрел несколько секунд.

Потом очень спокойно ответил:

— Все.

У меня даже вырвался короткий смешок.

— Наконец-то хоть один честный человек.

— Я не сказал, что я человек.

Воздух как будто на секунду качнулся.

Что?

Он сказал это абсолютно ровно. Без шутки. Без улыбки. Как будто фраза вообще не должна была прозвучать странно.

Я смотрела на него и пыталась понять: это у них тут такой внутренний юмор? Или я просто попала в здание, где мужчины уровня топ-менеджмента считают нормальным ходить с лицами серийных убийц и бросать такие реплики, как будто это светская беседа?

Потом Кирилл все-таки чуть склонил голову.

— Расслабься. Это была проверка.

— Очень тупая.

— Но сработала.

— На что именно?

— На то, как быстро ты делаешь выводы.

Я прищурилась.

— И каков результат?

— Ты не паникуешь там, где большинство уже начали бы врать.

— А врать я, по-твоему, должна?

— Здесь — все должны. Просто каждый по-своему.

Тишина.

Очень плохая фраза.

Потому что именно такие вещи не говорят случайно. Их говорят люди, которые давно уже знают, как устроено место изнутри, и либо смирились, либо стали частью его хищной анатомии.

— Это был совет? — спросила я.

— Нет. Констатация.

Он скользнул взглядом по моему черному бейджу.

Потом по двери за моей спиной.

Потом снова мне в лицо.

— Дэмиен редко берет людей в личный блок из раздражения.

— Какое счастье. Значит, у меня есть шанс стать для него особым исключением.

— Ты уже стала.

Вот и все.

Я это и так чувствовала, но услышать вслух от другого мужчины оказалось неприятнее, чем думалось.

— Почему? — спросила я.

Кирилл молчал секунду.

Потом ответил:

— Потому что он не переводит ближе то, что считает неопасным.

У меня по позвоночнику прошел холодок.

Не от страха.

От ясности.

Да.

Именно так.

Вот почему я здесь.

Не из-за таланта.

Не из-за карьерного чутья.

Не потому что он увидел во мне сокровище корпоративного мира.

Потому что я его задела.

А такие мужчины предпочитают держать раздражитель перед глазами, пока не поймут, как именно его использовать, сломать или приручить.

Ненавижу.

— И что еще мне нужно знать? — спросила я.

Кирилл посмотрел на дверь в кабинет Дэмиена.

Потом снова на меня.

— Не путай тишину здесь с безопасностью.

— Какое вдохновляющее место.

— Ты еще не видела худшего.

И именно в этот момент из внутренней двери вышел он.

Дэмиен.

Как будто почувствовал, что его имя уже слишком долго произносят в приемной без него.

Он остановился у порога и посмотрел сначала на Кирилла.

Потом на меня.

А потом — на дистанцию между нами.

О, нет.

Я увидела это мгновенно.

Очень короткое изменение в лице.

Практически неуловимое.

Но слишком резкое для человека, который, по идее, должен был воспринимать операционного директора как часть собственного круга.

Что это было?

Раздражение?

Нет.

Тоньше.

Почти как если бы сам факт чужого мужского присутствия рядом со мной сейчас уже успел его зацепить быстрее, чем должен был.

Проклятье.

Очень плохой знак.

— Кирилл, — сказал он спокойно. — Что-то срочное?

Операционный директор не сдвинулся с места.

— Пришел посмотреть на новую кадровую аномалию в твоём блоке.

Уголок рта Дэмиена чуть дрогнул.

Не весело.

Не холодно.

Как будто он и сам не до конца решил, раздражает его это замечание или только подтверждает уже сложившийся вывод.

— Посмотрел?

— Да.

— И?

Кирилл посмотрел на меня.

Потом на него.

— Будет шумно.

Тишина.

Вот и все.

После этой фразы я уже точно поняла: нет, это не просто компания. Это действительно корпорация хищников. Они разговаривают друг с другом не как коллеги, а как звери, которые давно научились носить галстуки и прикрывать инстинкты деловым протоколом.

Дэмиен выдержал паузу.

Потом сказал:

— Отлично. Тогда не мешай.

Кирилл едва заметно наклонил голову.

И ушел.

Слишком тихо.

Слишком спокойно.

Как человек, который уже получил достаточно информации и теперь предпочитает наблюдать со стороны, как другой мужчина будет разбираться с новой проблемой в своем странстве.

Дэмиен подошел к моему столу.

— Осваиваетесь?

— Смотря что считать освоением. Если необходимость выяснять, кто из вашего руководства шутит про нечеловеческую природу, а кто всерьез, то да. Очень продуктивно.

Его взгляд стал чуть темнее.

— Что именно он сказал?

— Что он не человек.

— И?

— И я пока не решила, у вас здесь просто очень плохое корпоративное чувство юмора или в здании реально пахнет дурдомом.

Тишина.

Он смотрел на меня слишком долго.

Потом вдруг спросил:

— Вы верите в чудовищ, Орлова?

Господи.

Опять.

Что за чертово место.

Я прищурилась.

— Я верю в богатых мужчин с плохим характером. Обычно этого уже достаточно, чтобы жизнь женщины испортилась без всякой мистики.

Уголок его губ дрогнул.

Почти как тень смеха.

Почти.

— Хороший ответ.

— А у вас, значит, сегодня день странных вопросов?

— У меня — обычный день. У вас — нет.

Проклятье.

Да.

Прав.

К несчастью.

Он положил на мой стол папку.

— Начнете с моего расписания на ближайшие три дня. Потом разберете личную корреспонденцию по приоритетам. То, что помечено черным, не открывать без меня. То, что серым — только после сортировки. И еще.

— Что?

— Если Воронцов снова начнет задавать вам лишние вопросы, отвечайте короче. Вот оно.

Опять.

Я уловила это мгновенно.

Не просто распоряжение.

Нечто очень похожее на...

Нет.

Рано.

Слишком рано.

Но все же.

— Вы сейчас мне приказали меньше разговаривать с вашим операционным директором?

— спросила я.

— Да.

— Почему?

Он смотрел прямо.

— Потому что вы здесь работаете на меня.

Удар.

Сильный.

Прямой.

Опасный именно своей простотой.

Я медленно откинулась на спинку кресла.

— Кажется, я начинаю понимать, что в вашей корпорации действительно водятся хищники.

Он наклонился чуть ближе.

Не настолько, чтобы это уже стало нарушением.

Но достаточно, чтобы я снова почувствовала то самое странное давление, как в его кабинете. Будто за идеально человеческим лицом на секунду снова шевельнулось нечто гораздо более темное.

— Начинаете, — сказал Дэмиен тихо. — И это пока только первый день.

Когда он ушел обратно в кабинет, я осталась сидеть перед папкой, черным бейджем и экраном компьютера, чувствуя только одно.

Я не устроилась на работу.

Я вошла в территорию, где люди слишком давно играют в людей.

И, кажется, мой новый босс уже решил, что ему очень интересно посмотреть, насколько долго я смогу делать вид, будто не замечаю их настоящих зубов.

Глава 4. Девушка, которая не умеет кланяться

К концу второго дня в «Блэк Корп» я уже знала две вещи.

Во-первых, деньги действительно пахнут властью, если крутятся в здании, где каждый второй сотрудник готов скорее потерять сон, чем случайно задержать ответ на письмо генерального директора дольше трех минут.

Во-вторых, работать личной ассистенткой Дэмиена Блэка — это не должность.

Это форма психологического эксперимента, в котором одна сторона проверяет, насколько долго вторая сможет держаться, не разбив кому-нибудь монитор о голову.

Пока держалась я.

С трудом.

Мой новый кабинет, если этот стеклянный угол вообще можно было называть кабинетом, находился прямо перед его дверью. Не слишком близко, чтобы это выглядело как странная личная прихоть. И не слишком далеко, чтобы он не мог меня видеть, когда выходил из кабинета. Идеальное расстояние для мужчины, который, похоже, привык контролировать все, что считает полезным или потенциально опасным.

Ненавижу.

Новый отдел принял меня не как коллегу.

Как интересное явление природы.

Секретарь совета директоров Лариса Павловна смотрела так, будто уже заранее решила, сколько дней я продержусь до публичного унижения. Финансовый директор вообще не делал вид, что запомнил мое имя. Мужчины из верхнего этажа либо вежливо скользили глазами, либо, наоборот, разглядывали слишком внимательно — с тем неприятным интересом, который появляется, когда в корпоративном мире вдруг возникает женщина, оказавшаяся слишком близко к центру власти.

И вот именно это в новой работе мне нравилось меньше всего.

Не Дэмиен даже.

Окружающие.

То, как быстро любой офис превращает женщину у двери большого начальника не в сотрудника, а в повод для догадок.

К полудню я уже разобрала его график, внутренние письма, срочные согласования, три переноса встреч, два конфликта между отделами и одну очень вежливую истерику от какого-то инвестора, которого Дэмиен Блэк считал человеком второго сорта только потому, что тот позволил себе прислать документы не в том формате.

— Это вообще человек? — спросила я у Ларисы Павловны, когда четвертый раз за полчаса переделывала повестку на вечер.

Она подняла на меня глаза поверх очков.

— Кто именно?

— Ваш генеральный.

— Осторожнее с формулировками.

— Почему?

— Потому что здесь даже стены иногда доносят быстрее людей.

Вот это прозвучало уже не как офисная шутка.

Плохо.

Очень.

Я посмотрела на стеклянную дверь его кабинета.

Он как раз стоял спиной ко мне, разговаривая по телефону. Темный костюм, белая рубашка, одна рука в кармане, вторая держит смартфон так, будто даже разговор на миллионы выглядит для него чем-то вроде раздражающей помехи между более важными вещами.

Красивый.

Неправильно.

Бесит.

Очень.

И хуже всего было то, что я уже начинала привыкать к его присутствию как к фону. Это опасно. Мужчины вроде Дэмиена Блэка не должны становиться фоном. Как только они перестают раздражать тебя каждой секундой, значит, уже начали занимать внутри больше места, чем ты вообще собиралась им давать.

Дверь кабинета открылась.

Он вышел, не глядя в мою сторону.

— Орлова.

Вот так.

Никаких “Алина”, никаких вводных, никаких лишних слов. Просто фамилия, как короткий удар в стол.

— Да?

— Где пакет по северному кластеру?

Я подняла папку с края стола.

— У меня.

Он наконец посмотрел прямо.

И, Господи, как же я ненавидела, что этот мужчина умеет одной секундой внимания сбивать мне внутренний ритм сильнее, чем я готова признать.

— Почему не у меня на столе?

— Потому что в него был подшит старый договор, который вам пытались подsunуть повторно. Я его вытащила, отправила на уточнение и ждала новой версии.

Тишина.

Лариса Павловна за соседним столом даже печатать перестала.

Потому что, как я уже начала понимать, отвечать ему в духе “я заметила вашу проблему и исправила ее до того, как вы увидели” здесь считалось примерно тем же, что играть с гранатой в приемной.

— Кто разрешил? — спросил Дэмиен.

О, прекрасно.

Опять.

Любимый вопрос мужчины, который не любит, когда кто-то другой двигает его мир хоть на миллиметр без санкции сверху.

— Мозг, — ответила я. — Очень удобный орган. Советую.

В приемной стало тихо так резко, что я почти услышала, как у кого-то из сотрудников в дальнем конце этажа закончилась вера в мое профессиональное будущее.

Дэмиен смотрел на меня несколько секунд.

Потом медленно протянул руку.

— Папку.

Я отдала.

Он открыл документы, быстро пробежал глазами, нашел именно тот лист, о котором я говорила, и перелистнул дальше.

Еще тишина.

Потом:

— Правильно.

Я моргнула.

— Что?

— Вы сделали правильно.

Вот этого я не ожидала.

Вообще.

Потому что мужчины его типа обычно не любят признавать чужую правоту, особенно публично, особенно перед другими сотрудниками, особенно если эта правота принадлежит женщине, которая кланяться ему не умеет даже по должностной инструкции.

— Но, — продолжил он, и я сразу поняла: ну конечно, без “но” не обойдется, — в следующий раз вы сначала сообщаете мне, а потом влезаете в мой пакет.

— В ваш пакет?

Он прищурился.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я.

Я сжала губы, чтобы не усмехнуться.

Честно.

Потому что нет, в этом мужчине раздражало не только все. Иногда он еще и сам подкидывал фразы, после которых становилось почти физически трудно не сказать что-нибудь лишнее.

— Прекрасно, — сказала я. — Тогда, может, сразу составим список того, что в этом здании принадлежит лично вам? Папки, переговорные, лифты, воздух на этаже?

Лариса Павловна уронила ручку.

Громко.

Я не посмотрела на нее.

Смотрела только на него.

На очень опасного мужчину, который сейчас решал, стоит ли поставить меня на место немедленно или оставить в живых ради будущих исследований.

— Орлова, — произнес Дэмиен очень тихо.

Плохой знак.

Очень.

Потому что чем тише он говорил, тем яснее становилось: внутри у него уже не раздражение. Что-то более плотное.

— Да?

— Ко мне.

— Прямо сейчас?

— Нет. В следующем веке.

Сволочь.

Я встала, поправила юбку и пошла за ним в кабинет. Дверь за мной закрылась мягко. Слишком мягко. Как будто это помещение вообще не признавало резких движений. Только очень дорогие ошибки.

Он остановился у стола и повернулся.

— Вы специально меня провоцируете?

— Нет.

— Ложь.

— Неправда.

— Тогда как вы объясните свое поведение?

Я скрестила руки на груди.

— Очень просто. Я не люблю мужчин, которые считают организацию мира вокруг себя достаточным основанием, чтобы все остальные перестали думать самостоятельно.

Тишина.

Вот оно.

Опять.

Никаких полутонов. Только прямой удар туда, где у сильных мужчин обычно живет их самая любимая часть — уверенность в том, что их контроль по умолчанию полезен для всех.

Дэмиен очень медленно обошел стол.

Не торопясь.

И это почему-то всегда было хуже.

Потому что мужчины, которые идут к тебе слишком спокойно, почти всегда уже уверены, что ты никуда не денешься.

— А вы, значит, любите думать самостоятельно? — спросил он.

— До неприличия.

— Я заметил.

— Тогда в чем проблема?

Он остановился слишком близко.

Не касаясь.

Но настолько, что мне уже пришлось задрать подбородок, а телу — очень некстати вспоминать, что этот мужчина не только раздражает. Он еще и пахнет так, будто где-то очень глубоко внутри костюма и кожи у него спрятано нечто горячее. Почти металлическое. Почти...

Нет.

Не начинай.

— Проблема в том, — сказал Дэмиен, — что вы ведете себя так, будто пришли не работать, а выигрывать у меня каждый диалог.

Я усмехнулась.

— А вы ведете себя так, будто любой диалог с вами уже автоматически должен считаться вашей территорией.

Уголок его рта дрогнул.

Очень коротко.

— Это потому, что так и есть.

Господи.

Какой же он отвратительно самоуверенный.

— Тогда у нас проблемы, — сказала я. — Потому что я не умею кланяться ради зарплаты.

Тишина.

Он смотрел мне прямо в лицо.

Не на губы, не на шею, не вниз — в лицо. Слишком внимательно. Как будто именно эта фраза, а не все мои предыдущие выходки, наконец была для него самым интересным местом.

— Да, — сказал Дэмиен. — Я это уже понял.

— И что теперь?

— Теперь вы или научитесь работать со мной без постоянной войны, или я сделаю эти три месяца самым выматывающим периодом вашей жизни.

Я приподняла бровь.

— Это угроза?

— Нет.

— А что тогда?

Он смотрел без тени улыбки.

— Личный приказ.

Вот так.

И, к несчастью, именно это снова вызвало во мне не испуг. Раздражение.

Потому что да — конечно. Какой еще язык он мог выбрать? Не договор. Не рамки. Не профессиональные требования. Личный приказ.

Как будто весь мир и правда создан исключительно для того, чтобы он с комфортом распоряжался чужой волей.

— Тогда у меня для вас плохая новость, — сказала я тихо. — Я плохо переношу приказы, за которыми не стоит уважение.

На секунду мне показалось, что он действительно изменился в лице.

Совсем чуть-чуть.

Не стал мягче. Но будто увидел во мне не только источник будущих проблем и удобный объект для контроля. Женщину, которая сейчас бьет не в эго. В принцип.

— Уважение надо заслужить, — сказал он.

— Взаимно.

Тишина.

Опять.

И вот именно в такие секунды меня начинало по-настоящему бесить, что этот человек вообще существует. Потому что рядом с ним любой разговор очень быстро переставал быть просто разговором. Он начинал ощущаться как поединок, где оба уже и сами забыли, что именно было первым поводом для удара.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тогда давайте так. Вы выполняете задачи без самодеятельности. Я не трогаю ваш характер, пока он не мешает работе.

Я прищурилась.

— “Не трогаю характер” звучит как фраза мужчины, который вообще-то очень хочет именно это и делать.

Уголок его губ снова дернулся.

— Возможно.

— Снова возможно.

— Вас что-то не устраивает в этой форме?

— Да. Она слишком честная.

И вот тут это случилось.

Очень странное.

Очень плохое.

Он посмотрел на меня сверху вниз и вдруг на долю секунды замолчал не так, как раньше. Не потому что подбирал следующую реплику. Как будто... прислушивался.

К чему?

Понятия не имею.

Но в ту же секунду по коже у меня пробежала резкая, почти болезненная волна жара. От шеи вниз. По груди. По позвоночнику.

Я резко вдохнула.

Проклятье.

Слишком жарко.

Слишком близко.

Слишком странно.

Глаза Дэмиена на миг вспыхнули.

Буквально.

Расплавленным золотом.

Не отражение света.

Не игра зрения.

Вспышка.

Живая.

Нечеловеческая.

У меня внутри все обрушилось в одну секунду.

Он это увидел.

Сразу.

И в следующую секунду отступил на шаг.

Очень резко.

Слишком резко для человека, который секунду назад выглядел так, будто собирался винтить меня в пол одним голосом.

— На сегодня достаточно, — сказал Дэмиен.

Что?

Я моргнула.

Один раз. Потом второй.

— Что?

— Возвращайтесь к работе.

— Серьезно?

Он уже отошел к столу, взял со спинки кресла пиджак и надел его так, будто только что не произошло ничего странного.

Вообще ничего.

— Да.

— Вы только что собирались устроить мне корпоративную казнь за неподобающий тон.

— Передумал.

— Почему?

Он поднял на меня взгляд.

Темный.

Снова человеческий.

Слишком спокойный.

— Потому что, Орлова, я пока еще не решил, что с вами делать.

Сволочь.

Вот и все.

И именно эта фраза каким-то образом оказалась хуже любого наказания. Потому что она звучала не как решение начальника.

Как формулировка охотника, который впервые увидел зверя, не укладывающегося в привычную схему поведения.

— Как обнадеживающе, — сказала я холодно.

— Вам не нужно обнадеживаться. Вам нужно работать.

— А вам, видимо, нужно научиться не смотреть на сотрудников так, будто вы лично одобряете их существование только до следующей секунды.

Тишина.

Снова.

А потом он вдруг сказал очень тихо:

— Идите, Алина.

Вот это ударило по-настоящему.

Потому что впервые за все время он назвал меня по имени.

Не Орлова.

Не сотрудник.

Алина.

И, к несчастью, именно в этот момент мое тело почему-то среагировало быстрее головы.

Как будто имя в его голосе оказалось чем-то куда более личным, чем имело право быть в кабинете генерального директора на второй день войны.

Проклятье.

Я развернулась и вышла, пока не начала анализировать это глубже.

Приемная встретила меня слишком живой тишиной. Лариса Павловна делала вид, что печатает. Двое мужчин у переговорной делали вид, что обсуждают цифры. Я села за свой стол, открыла входящие письма и заставила себя смотреть только в экран.

Спокойно.

Дыши.

Работай.

Не думай о золотых глазах.

Не думай о том, почему он вдруг отступил.

Не думай о том, что твое имя в его голосе прозвучало уже не как рабочее обращение.

Не думай.

Разумеется, именно в этот момент на внутреннюю почту пришло письмо от него.

Одна строка.

«В 19:00 останетесь. Нужно разобрать закрытый блок по северному крылу».

И все.

Никакого “пожалуйста”.

Никакого “если можете”.

Просто очередная короткая, точная фраза мужчины, который даже переработку умеет превратить в продолжение личного приказа.

Я смотрела на письмо и очень ясно понимала одну вещь.

Корпорация Дэмиена Блэка — это не офис.

Это логово, замаскированное под бизнес.

И, кажется, я только что официально стала частью его внутренней территории.

Глава 5. Холодный кабинет, горячий взгляд

В 18:57 на верхнем этаже оставались либо самые преданные, либо самые несчастные.

Я пока не решила, к какой категории отношусь сама.

Сотрудники один за другим исчезали из приемной, стеклянные переговорные пустели, свет в дальних секторах гас, и весь этаж медленно превращался не в офис, а в дорогую декорацию для чужой власти. Вечером «Блэк Корп» менялась. Дневная деловая суета спадала, и на ее месте оставалось главное — тишина, деньги и мужчина за дверью напротив, который, кажется, и в человеческом обличье умудрялся занимать собой больше пространства, чем любой нормальный человек должен иметь право занимать.

Ненавижу.

Я закрыла последнюю таблицу, отправила три письма, допила уже остывший кофе и установила на внутреннее сообщение от него.

«В 19:00 останетесь. Нужно разобрать закрытый блок по северному крылу».

Никаких уточнений.

Никаких пояснений.

Никакой вежливой иллюзии, будто это просьба.

Просто очередная форма мужского: я решил.

В 19:01 дверь его кабинета открылась.

— Орлова.

Я даже не подняла головы сразу.

— Какая неожиданность. Вы, видимо, все-таки существуете не только в виде писем без приветствия.

Тишина.

Потом его голос, уже ближе:

— Со временем вы научитесь отличать деловой тон от личного.

Я подняла глаза.

Он стоял у моего стола без пиджака, в темной рубашке с расстегнутой верхней пуговицей и закатанными до предплечий рукавами. Вот это, пожалуй, и было самым нечестным во всей ситуации. Дэмиен Блэк в строгом костюме раздражал. Дэмиен Блэк вечером, когда идеальный корпоративный фасад чуть ослабевал и становилось видно, что под дорогой тканью живет нечто слишком собранное и слишком опасное, — раздражал куда сильнее.

Потому что был красив.

Неправильно.

Почти оскорбительно.

— А вы, — сказала я, — когда-нибудь научитесь отличать приказ от попытки изобразить цивилизованную коммуникацию?

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Возможно.

— У вас это любимое слово?

— Только в тех случаях, когда собеседник слишком любит спорить.

— А вы не думали, что некоторые люди спорят не из любви к процессу, а потому, что рядом с вами иначе очень быстро начинаешь чувствовать себя мебелью?

Тишина.

Вот опять.

И я уже начинала понимать: хуже всего в нем не то, что он умеет ставить людей на место. А то, что иногда действительно слышит, куда именно бьет ответ.

— Заходите, — сказал он.

— Какая формулировка. А если я не хочу?

— Тогда все равно зайдете. Вам нужны деньги.

Удар.

Прямой.

Неприятный.

Потому что, да, конечно. Он запомнил. И, конечно, будет использовать это так же спокойно, как все остальное полезное знание о человеке.

— Вы отвратительны, — сказала я, вставая.

— Знаю.

— Нет. Не знаете. Иначе не говорили бы это с таким спокойным лицом.

— И все же заходите.

Я пошла за ним в кабинет, уже заранее чувствуя, как внутри снова поднимается то неприятное, почти электрическое раздражение, которое бывает только рядом с мужчинами, слишком уверенными, что твоя жизнь — всего лишь еще одна переменная в их уравнении.

Кабинет вечером выглядел иначе. Днем он был холодным, дорогим, почти безличным. Сейчас — опасно живым. Город за стеклом уже тонул в огнях. На черной поверхности стола лежали открытые папки, два планшета и толстый конверт с пометкой “закрытый доступ”. Свет был приглушен, и в полутени помещение вдруг переставало быть просто рабочим пространством.

Становилось логовом.

Я остановилась у стола.

— Итак. Что за северное крыло, ради которого вы решили испортить мне вечер?

— Если бы я хотел испортить вам вечер, выбрал бы другой метод.

Я медленно подняла глаза.

Сволочь.

Потому что нет, это не должно было звучать так. Вообще. Особенно в кабинете, где мы якобы собираемся разбирать документы.

Он тоже это понял.

Конечно.

И, к моему раздражению, нисколько не смутился.

— Садитесь, — сказал Дэмиен.

— Опять приказ.

— Констатация.

— Вы невыносимы.

— Уже слышал.

Я села напротив и демонстративно вытянула к себе папку. Он не остановил. Хорошо. Значит, хотя бы сегодня мне не будут читать лекцию о том, на какой градус поворота руки я имею право в его кабинете.

Внутри лежали отчеты по объектам, логистике, аренде и внутреннему аудиту по северному сектору компании. С первого взгляда — обычная корпоративная скука на миллиард. Со второго — слишком много пересечений по дочерним фирмам. С третьего — уже совсем нехорошо.

— Это что? — спросила я, перелистывая страницы быстрее.

— Проблема.

— Спасибо. Очень содержательно. Я уже почти догадалась по объему лжи в этих цифрах.

Он сел напротив.

Не за свой стол.

На боковую сторону, ближе ко мне.

Очень плохой знак.

Потому что мужчины вроде него меняют дистанцию не просто так.

— Кто-то внутри компании чистит потоки, — сказал он. — Северный блок уходит в серую цепочку. Не весь. Достаточно, чтобы при внешней проверке все выглядело допустимо, но на длинной дистанции это ударит по контуру владения.

Я подняла голову.

— И вы узнали об этом только сейчас?

— Нет.

— Тогда зачем я здесь?

Он смотрел прямо.

— Потому что вы видите быстро.

Удар.

Почти комплимент.

Почти признание пользы.

И именно поэтому особенно раздражает.

— И вы решили использовать это как повод посадить меня вечером в кабинете подальше от свидетелей?

— Если бы я хотел просто держать вас в кабинете, нашел бы способ проще.

Проклятье.

Опять.

Я сделала вдох.

Очень медленно.

— Давайте договоримся, — сказала я. — Либо мы сейчас действительно работаем, либо вы продолжаете говорить так, будто у меня должен пульс сбиваться от каждой второй фразы, и тогда я ухожу.

Тишина.

Он смотрел на меня несколько секунд.

Потом неожиданно кивнул.

— Хорошо. Работаем.

И вот это опять выбило почву из-под ног.

Потому что любой другой мужчина на его месте уже либо начал бы давить дальше, либо уязвился бы и превратил вечер в бесконечный раунд наказания за тон. А этот — раз, и перестроился.

Ненавижу мужчин, которые умеют быть опасными и гибкими одновременно.

Они всегда самые трудные.

Я снова опустила глаза в папку.

— Здесь три фирмы-дублера, — сказала я через минуту. — И все с пересечением по северному складу и одной и той же внешней логистике. Это не случайность.

— Нет.

— У вас кто-то внутри с доступом к закрытым веткам.

— Да.

— И вы хотите, чтобы я это разобрала?

— Частично.

— Почему я?

Он не отвел взгляда.

— Потому что вы пока не встроены в мою систему настолько, чтобы бояться нужных людей.

Я усмехнулась.

— Какая чудесная характеристика.

— Это сильная сторона.

— Для вас — да. Для меня это, скорее всего, закончится нервным тиком и желанием однажды воткнуть степлер кому-нибудь в лоб.

Уголок его рта снова чуть дрогнул.

На этот раз я уже почти уверилась: да, он действительно иногда получает удовольствие от того, как я разговариваю с ним. Не потому что ему нравится дерзость сама по себе. Потому что в его мире, видимо, слишком мало людей, которые вообще решаются не сглаживать при нем углы.

Очень плохо.

Для него.

Для меня.

Для трудовой дисциплины в целом.

— Хорошо, — сказала я, переворачивая еще страницу. — Тогда вот вам первая неприятная новость. Это не утечка. Это схема. И она живет не на уровне среднего звена.

Он уже смотрел не на документы.

На меня.

Слишком внимательно.

— Почему вы так решили?

— Потому что низовые всегда берут мелко, рвано и жадно. А здесь слишком чисто. Слишком красиво разложено во времени. Кто-то не ворует. Кто-то выстраивает запасной путь на случай, если северный контур придется отдавать.

Тишина.

Очень плохая.

Потому что, как я поняла по лицу Дэмиена, попала туда, куда он и сам не хотел смотреть до конца.

— Вы догадливы, — сказал он.

— Это у вас тоже плохой синоним к слову “опасная”?

— Иногда.

— Прекрасно.

Я потянулась за второй папкой, и в этот момент наши пальцы столкнулись.

Всего на секунду.

Коротко.

Слишком обыденно для такой реакции.

Но тело сработало раньше мысли.

Жар.

Резкий.

От пальцев вверх по руке.

По шее.

Под кожу.

Как будто кто-то вшил мне под запястье тонкую раскаленную жилу и дернул.

Я отдернула руку мгновенно.

Он — нет.

Точнее, убрал чуть позже. На долю секунды. Но я заметила.

Проклятье.

Потому что эта секунда оказалась длиннее, чем должна была быть между начальником и подчиненной в кабинете на двадцать седьмом этаже.

Я подняла глаза.

Он смотрел уже не так, как раньше.

Темнее.

Глубже.

И, Господи, как же я ненавидела, что это снова происходит.

Что рядом с ним воздух все время меняется из делового во что-то другое так быстро, будто в его мире между этими состояниями вообще нет нормальной человеческой дистанции.

— Не надо, — сказала я тихо.

— Что именно?

— Смотреть так, будто вы сейчас тоже почувствовали, что это было не просто случайное касание.

Тишина.

Вот теперь совсем плохая.

Потому что да. Он почувствовал.

И хуже всего — даже не пытался это скрыть.

— Вы слишком быстро делаете выводы, — сказал он.

— А вы слишком плохо врете для человека такого уровня.

— Я не вру.

Удар.

Сильный.

Почти физический.

Потому что именно эта его привычка признавать опасные вещи без обрамления всегда была глубже, чем любая пошлость или откровенный флирт.

Я резко встала.

Кресло чуть отъехало назад.

— Отлично. Тогда на сегодня хватит.

— Нет.

— Что значит “нет”?

Он тоже поднялся.

Медленно.

И от этого стало только хуже.

— Это значит, что вы не убежите только потому, что в один момент в кабинете стало слишком некомфортно.

— Не вам решать, от чего именно я убегаю.

— Тогда не убегайте.

Сволочь.

— Вы специально делаете это?

— Что?

— Доводите до точки, где любой нормальный разговор с вами превращается в проверку нервной системы на прочность.

Он подошел на шаг ближе.

— Возможно.

— Почему?

Тишина.

Потом очень тихо:

— Потому что вы единственная, кто пока не начал врать мне глазами.

Все.

Вот после этой фразы я уже действительно не знала, что опаснее — остаться или уйти.

Потому что мужчина, который говорит такое своей подчиненной на третий день знакомства, либо совершенно лишен тормозов.

Либо видит слишком много.

А я пока не решила, что из этого хуже.

— Это отвратительный комплимент, — сказала я.

— Я и не делал комплимент.

— Тогда что это было?

Он смотрел прямо.

— Констатация.

Ненавижу.

Потому что да. Холодный кабинет и горячий взгляд — именно так это и работало. Все внешне оставалось в рамках. Документы. Работа. Расследование. Переработка. Начальник и ассистентка. Но стоило ему посмотреть чуть дольше, сказать чуть тише, коснуться случайно, и вся эта корпоративная конструкция начинала трещать так, будто под дорогим стеклом и камнем с самого начала пряталось что-то гораздо менее человеческое.

Я очень медленно выдохнула.

Потом снова села.

— Хорошо, — сказала я. — Мы закончим разбор северного блока. И после этого я уйду.

— Хорошо.

— И еще одно.

— Да?

Я подняла голову.

— В следующий раз, если вы снова решите смотреть на меня так, как будто собираетесь не задачу ставить, а проверять, на сколько еще хватит моей выдержки, я просто уйду молча.

Тишина.

Потом его уголок губ опять чуть дрогнул.

— Это тоже будет интересный результат.

Господи.

Сволочь.

Я уткнулась в документы, потому что другого безопасного способа не смотреть на него уже не оставалось.

И именно в этот момент окончательно поняла одну вещь.

Между нами уже давно идет не просто служебная война.

Холодный кабинет — это ложь.

Горячий взгляд — правда.

И рано или поздно именно она все равно сожрет субординацию первой.

Глава 6. Золотые глаза

После вечера в его кабинете я возвращалась домой с одним очень неприятным ощущением.

Что-то во всем этом уже давно перестало быть нормальным даже по меркам плохого служебного романа, который потом рассказывают подругам с нервным смехом и обязательным “я, конечно, сразу поняла, что он псих”.

Нет.

Тут было хуже.

Потому что Дэмиен Блэк не был просто сложным начальником, у которого проблемы с границами и слишком хорошо поставленный голос. Он был... неправильным.

И чем дольше я находилась рядом, тем яснее это чувствовала.

Не только в том, как он появляется. Не только в том, как умеет замереть посреди диалога так, что в комнате становится меньше воздуха. И даже не в тех коротких вспышках, когда мне начинало казаться, будто под идеальной человеческой оболочкой что-то смотрит на мир совсем иначе.

Глубже.

Опаснее.

Хищнее.

Проклятье.

Я всю ночь почти не спала. Сначала пыталась разобрать в голове северный блок, потом — разговор в кабинете, потом — ту долю секунды, когда его пальцы коснулись моих и по коже пошел жар, слишком быстрый и слишком резкий для обычного прикосновения. В три часа ночи я уже лежала, уставившись в потолок, и честно спрашивала себя только об одном: я схожу с ума или этот мужчина действительно не тот, за кого себя выдает?

Утром стало не легче.

Станция метро, кофе в бумажном стакане, толпа, стеклянная башня корпорации — все это выглядело обычным, пока я не поднялась на верхний этаж. А там снова началось то же самое: воздух как будто становился плотнее, а собственное тело — чуть более настороженным, чем требовала логика.

Лариса Павловна уже была на месте. Она раскладывала бумаги на длинном столе в приемной так ровно, словно от симметрии папок зависела не чья-то встреча, а мировое равновесие.

— Доброе утро, — сказала я.

Она бросила на меня быстрый взгляд.

— Если утро начинается с внепланового совещания у Блэка, оно не может быть добрым.

— Как вдохновляюще.

— Я не вдохновляю. Я предупреждаю.

Прекрасная женщина.

Чем дальше, тем больше она нравилась мне именно тем, что не строила из себя милую коллегу. Просто говорила как есть, а это в этом здании уже почти считалось формой уважения.

— Он у себя? — спросила я.

— Пока да. Но через десять минут собирает закрытый круг.

Я прищурилась.

— Закрытый?

Лариса Павловна перевела на меня взгляд медленнее.

Слишком медленно.

— Вы все еще думаете, что в этой компании есть только один уровень реальности?

Тишина.

Вот и снова.

Такие фразы не звучат в обычных офисах. Не так. Не с таким лицом. Не с этим странным ощущением, будто человек говорит вроде бы о корпоративных процессах, а на самом деле — о чем-то куда более древнем и нехорошем.

— А сколько их? — спросила я.

Уголок ее губ дрогнул.

— Для начала переживите сегодняшний день.

Сволочь.

Нет, не она.

Это место.

Оно все время делало так, что ответа тебе не дают, но оставляют ровно столько намека, чтобы потом сам уже не смог вернуться к прежней спокойной картине мира.

В девять тридцать Дэмиен вышел из кабинета и, даже не глядя на меня, бросил:

— Через две минуты с планшетом ко мне.

— Доброе утро и вам.

— Орлова.

— Да?

Он посмотрел прямо.

И опять.

Опять эта доля секунды, где взгляд слишком тяжелый для обычного человека.

— Не испытывайте меня с самого утра.

Я взяла планшет.

— Тогда, может, не начинайте день с тона, как будто вы не директор компании, а феодал, у которого вассалы забыли вовремя склонить голову.

Лариса Павловна уронила папку.

Громко.

Дэмиен молчал секунду.

Потом очень тихо сказал:

— Ко мне.

Плохой знак.

Очень.

Я вошла за ним в кабинет, уже заранее понимая, что спокойствия не будет. Но вместо нового раунда личной словесной войны он сразу дал мне список имен, папки по северному блоку и коротко объяснил, кому и в каком порядке подавать материалы на совещании. Быстро. Ровно. Профессионально.

И именно это меня и взбесило сильнее всего.

Потому что после вчерашнего вечера, после этого горячего, слишком странного напряжения между нами, он вдруг снова стал безупречным.

Собранным.

Холодным.

Как будто ничего не было.

Как будто я все выдумала.

— Вот это в финансовый контур, — сказал он, не поднимая головы от документов. — Это в юридический. Сюда вынесете отдельной меткой. И не позволяйте Ильину уводить разговор в проверку внешней логистики. Он будет уводить.

— Почему?

— Потому что там его интерес.

— У вас все вокруг или воруют, или играют против вас, или просто ждут, когда вы отвернетесь?

— Вы быстро учитесь.

— Я просто умею делать выводы из токсичной среды.

На секунду мне показалось, что он почти усмехнулся.

Почти.

И снова ни капли живой реакции сверх этого. Словно весь тот странный жар между нами вчера был не реальностью, а случайным сбоем, который он теперь сознательно выжигал из атмосферы.

Отлично.

Ненавижу.

Потому что, видимо, только я здесь сидела полночи с ощущением, будто под дорогим корпоративным костюмом у генерального директора скребется что-то слишком нечеловеческое.

Совещание началось в десять.

В кабинет вошли пятеро мужчин и одна женщина. Все — из того типа людей, которые выглядят слишком собранными для простых управленцев. Ни один лишний жест, ни один лишний взгляд, дорогие костюмы, ледяные лица и очень странная, почти животная тишина в паузах.

Вот это я почувствовала сразу.

Они друг друга не просто знали.

Они нюхали пространство.

Оценивали.

Как стая.

Господи.

Нет. Хватит. Я уже сама себя пугаю.

Я стояла у бокового стола, раздавая папки, и в какой-то момент поймала на себе взгляд одного из мужчин.

Высокий, светловолосый, с холодным профилем и слишком светлыми глазами. Не красивый в привычном смысле. Резкий. Опасный. Он смотрел на меня не как на ассистентку.

Как на новую переменную в уравнении, которую стоит запомнить.

И вот это мне не понравилось сразу.

Очень.

— Орлова, — сказал Дэмиен, даже не глядя в мою сторону.

Я обернулась.

— Да?

— Воду.

Я подала ему стакан.

Слишком близко.

Слишком быстро.

И в ту секунду, когда он взял его из моих рук, светловолосый мужчина снова посмотрел прямо на меня.

Не на стакан.

Не на папки.

На меня.

А дальше все произошло слишком быстро.

Дэмиен поднял голову.

Их взгляды встретились.

И мир в эту секунду будто треснул.

Не на самом деле.

По ощущению.

В кабинете стало тише. Гораздо.

Дэмиен медленно поставил стакан на стол.

Его лицо не изменилось.

Почти.

Но воздух изменился так резко, что я почувствовала это кожей.

Как перед грозой.

Как перед броском.

Светловолосый едва заметно прищурился.

А в следующую секунду Дэмиен сказал тем голосом, который я уже начала узнавать как по-настоящему опасный:

— На меня.

Тишина.

Все головы в комнате повернулись к нему.

Я тоже.

— Что? — спросил светловолосый.

— Смотри на меня, когда говоришь в моем кабинете.

Вот и все.

Прямо.

Без прикрытия.

Без красивой корпоративной мишуры.

Светловолосый откинулся в кресле.

— Резковато для внутреннего совещания.

— Попробуй еще раз.

У меня по позвоночнику пошел холод.

Не потому что они спорили.

Потому что спор этот был не о работе.

И все это в комнате поняли.

Абсолютно все.

Я видела по лицам.

По тому, как женщина справа сделала вид, что читает документы, но перестала перелистывать страницы.

По тому, как двое других мужчин замерли слишком одинаково.

По тому, как светловолосый улыбнулся уголком рта — не испуганно. Почти с интересом.

— У тебя проблемы с новыми сотрудниками, Дэмиен? — спросил он.

Проклятье.

Господи.

Нет.

Дэмиен поднял на него взгляд.

И в следующую секунду я это увидела.

Не намек.

Не почти.

По-настоящему.

Его глаза вспыхнули золотом.

Расплавленным.

Нечеловеческим.

На одну долю секунды. Этого хватило.

Я застыла так резко, что планшет в руках чуть не выскользнул.

Показалось?

Нет.

Нет.

Нет.

Этого не могло быть.

Но было.

Я видела.

Он тоже понял, что я видела.

Сразу.

И это, кажется, оказалось единственным, что заставило его отступить раньше, чем все в кабинете сорвалось к черту.

Дэмиен очень медленно выдохнул.

Потом снова сел в кресло и сказал уже ровно:

— Мы обсуждаем северный блок, а не личные фантазии членов совета. Возвращаемся к цифрам.

Именно так.

Как будто секунду назад здесь не происходило ничего, от чего у меня сейчас ледяным потом покрылась спина.

Светловолосый смотрел еще мгновение.

Потом опустил глаза в документы.

Совещание продолжилось.

Я не слышала почти ничего.

Только отдельные слова: контур, северный допуск, внутренний риск, перенос активов, проверка линии владения. Но все это тонуло в одном-единственном факте.

Я не сошла с ума.

Я действительно это видела.

Его глаза были золотыми.

Значит...

Нет.

Я не знала, что это значит.

Но это уже точно не был просто странный босс с проблемами контроля.

Когда совещание закончилось, я уже едва держала лицо. Мужчины выходили по одному, не глядя на меня открыто, но и не забывая про мое присутствие. Светловолосый задержался у двери и, проходя мимо, тихо произнес:

— Аккуратнее, девочка. Иногда красивые кабинеты — это просто очень дорогие клетки.

Я резко подняла голову.

Но он уже ушел.

Сволочь.

Нет, не он.

Все.

Все вокруг.

Дэмиен ждал, пока дверь закроется окончательно. Только потом поднял глаза на меня.

— Что ты видела?

Никаких “Орлова”.

Никакого делового тона.

Именно это меня добило.

Потому что вопрос прозвучал не как у начальника.

Как у хищника, который только что понял: рядом стоящая женщина увидела то, что не должна была увидеть слишком рано.

Я положила планшет на стол.

Очень аккуратно.

Потому что руки уже слегка дрожали, а я не собиралась давать ему удовольствие видеть это сразу.

— А что я должна была увидеть? — спросила я.

Он встал.

Обошел стол.

И, Господи, как же я ненавидела это. Мужчины вроде него почему-то всегда думают, что, если сократят расстояние, мир сам начнет играть на их стороне.

— Ответь на вопрос, — сказал Дэмиен тихо.

— Нет.

Тишина.

— Что?

— Нет. Я не собираюсь отвечать, пока не пойму, на каком уровне вы вообще со мной сейчас разговариваете. Как начальник? Как психопат? Или как человек, который секунду назад сделал что-то, чего в обычной биологии быть не должно?

Золотая вспышка в его глазах вернулась.

Короче.

Ближе.

Еще страшнее, потому что теперь я ее уже ждала.

У меня все внутри похолодело.

Но я не отступила.

Не сейчас.

Не после всего.

— Вот, — прошептала я. — Опять.

Он замер.

Вплотную.

Слишком.

И на секунду мне показалось, что в нем сейчас борются две вещи. Желание снова надеть идеальную человеческую маску. И что-то другое. Гораздо более древнее. Гораздо менее терпеливое.

— Ты никому не скажешь, — сказал он.

Это не прозвучало как просьба.

Вообще.

Я медленно подняла подбородок.

— А если скажу?

Уголок его рта чуть дрогнул.

Не как у человека.

Как у существа, которому сам вопрос уже кажется почти смешным.

— Не скажешь.

Проклятье.

Вот именно от этого тона и хотелось одновременно убежать и ударить.

— Ненавижу мужчин, которые заранее решают за женщину даже то, что она будет делать со своим страхом, — сказала я.

— А ты боишься?

— Да.

Он смотрел прямо.

— Хорошо.

— Что значит “хорошо”?!

В его лице мелькнуло что-то человеческое.

Почти.

— Это значит, что ты наконец реагируешь правильно.

Сволочь.

Я отшатнулась на шаг.

Сразу.

Потому что если останусь еще ближе, то либо начну кричать, либо сделаю что-то еще более глупое.

— Кто вы такой? — спросила я.

Очень тихо.

Очень прямо.

И, кажется, впервые за все время — без попытки спрятать вопрос в язвительность.

Он долго молчал.

Потом ответил:

— Тот, рядом с кем тебе теперь нужно быть умнее, чем ты привыкла.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

— Почему?

Он смотрел так, что у меня под кожей снова пошла волна того самого жара.

Страх.

Злости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.